

А.В. Швыров

**Знаменитые актеры и
актрисы в характеристиках,
воспоминания и анекдотах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.В. Швыров**
Знаменитые актеры и актрисы в характеристиках, воспоминания и анекдотах
/ А.В. Швыров – М.: Книга по Требованию, 2021. – 360 с.

ISBN 978-5-518-02508-0

ISBN 978-5-518-02508-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

о недостаткѣ въ декораціяхъ и бутафоріи: «Съ одной стороны у васъ Африка, съ другой — Азія, между ними же цѣлая масса мелкихъ странъ и государствъ. Вошедшій на сцену актеръ ежеминутно долженъ, во избѣжаніе недоразумѣній, увѣдомлять зрителя, гдѣ онъ находится. Потомъ на сценѣ появляются три дамы; онѣ нагибаются и дѣлають видъ, что рвутъ цвѣты, — изъ этого вы должны заключить, что передъ вами садъ. Спустя немного времени на этомъ же мѣстѣ идетъ разговоръ о кораблекрушеніи, и ваша прямая обязанность принимать мѣсто эго за скалу... Затѣмъ четыре заржавленныхъ меча и одинъ щитъ съ очевидностью убѣждаютъ васъ, что передъ вами происходитъ кровопролитное сраженіе».

Первые писатели для такого театра (первые по времени, конечно, а не по качеству) старались главнымъ образомъ поразить публику разными невѣроятностями, ужасными приключеніями своихъ героевъ или просто давали отъявленную балаганщину. Затѣмъ пошли пьесы въ ложно-класическомъ духѣ съ соблюденіемъ трехъ аристотелевскихъ единствъ; онѣ уже требовали отъ артиста больше знаній и таланта, но ходульность и высокопарность и здѣсь считались уместными. Только Шекспиръ, «этотъ могучій дубъ, къ которому сходятся всѣ тропинки», какъ сказывали про него Тэнъ, только онъ имѣлъ на развитіе сценическаго искусства огромное и рѣшающее вліяніе. Слѣло отбросивъ Аристотеля, онъ подарилъ міру высокую, полную ужасовъ трагедію и веселую граціозную комедію; онъ надѣлялъ своихъ героевъ не только выпреннимъ духомъ, но и тѣломъ, въ которомъ билось сердце и текла по жиламъ горячая кровь. Гамлета и Отелло, Лира и Ромео уже нельзя было изображать, выкрикивая стихи дикимъ голосомъ, чтобы въ этихъ роляхъ произвести впечатлѣніе на публику; актеру нужно было обладать даромъ перевоплощенія въ изображаемую роль; до Шекспира никто изъ драматурговъ не предъявлялъ къ актеру подобныхъ требованій.

Итакъ. Шекспиръ открылъ новые пути сценическому искусству. Съ него современный театръ ведетъ своелѣто:численіе, но актеры, а вмѣстѣ съ ними и большая часть публики недоросли до пониманія этого колосса и въ молчаливомъ изумленіи стояли передъ его произведеніями, не зная, какъ за нихъ взяться. При жизни самого Шекспира его пьесы игрались, быть можетъ, даже подъ его личнымъ руководствомъ и съ его указаніями, по послѣ его смерти ихъ забросили, не понимая ихъ значенія. Нуженъ былъ равный Шекспиру геній сценическаго искусства, который сумѣлъ бы показать великаго драматурга во весь ростъ и нашелъ въ себѣ достаточно мужества смѣло, наперекоръ всѣмъ, и зрителямъ, и актерамъ, отбросить старыя рутинныя приемы игры, какъ никуда ненужный хламъ, и открыть доступъ на сцену реализму и художественной правдѣ. Такимъ новаторомъ въ области сценическаго искусства является знаменитый англійскій актеръ Давидъ Гарриксъ, съ характеристиками котораго мы и начинаемъ наши очерки, такъ какъ онъ по справедливости можетъ быть названъ отцомъ и родоначальникомъ современной школы сценическаго искусства.

Давидъ Гаррикъ.

Предки Давида Гаррика были французы-гугеноты. Дѣдъ его переселился въ Англію послѣ отгнѣны въ 1685 году Наятскаго эдикта. Поддерживаемый товарищами по изгнанію, старый гугенотъ могъ дать нѣкоторое образованіе своимъ сыновьямъ, и когда они подросли, то старшаго, Давида, отправилъ въ Лиссабонъ, гдѣ онъ открылъ виноторговлю, а младшаго, Петра, устроилъ прапорщикомъ въ драгуны.

Полкъ, въ которомъ служилъ Петръ, былъ переведенъ въ Личфильдъ, и здѣсь молодой прапорщикъ, влюбившись въ одну изъ мѣстныхъ барышень, отпраздновалъ свою свадьбу. Дѣвушка принадлежала къ бѣдной духовной семьѣ и приданаго мужу не принесла; жалованья же мужа едва хватало на самое необходимое, и потому съ первыхъ же годовъ семейной жизни молодой парочкѣ пришлось терпѣть нужду.

Но Петръ Гаррикъ былъ человѣкъ веселый, неспособный предаваться унынію, и, несмотря на тяжелыя матеріальныя условія жизни, считался однимъ изъ интереснѣйшихъ собесѣдниковъ Личфильда. Это драгоцѣнное свойство характера унаслѣдовалъ и его младшій сынъ Давидъ, родившійся въ 1716 г., 19 го февраля, въ Эрфуртѣ, куда на время вербовки солдатъ переѣхалъ его отецъ со своей семьей.

Уже въ дѣтствѣ мальчикъ отличался живымъ характеромъ, умственной и физической подвижностью и плохо поддавался школьной дисциплинѣ, хотя личфильдскій учитель Гентеръ былъ не только строгъ, но прямо свирѣпъ и билъ своихъ учениковъ, что называется, походя. Отъ такого педагога маленькому Давиду, вѣроятно, приходилось плохо, тѣмъ болѣе, что вмѣсто приготовленія уроковъ онъ всѣ вечера проводилъ въ театрѣ, гдѣ давала представленія одна изъ многочисленныхъ въ то время странствующихъ труппъ.

Страсть къ театру настолько сильно охватила одиннадцатилѣтняго мальчика, что онъ задумалъ самъ устроить спектакль и, подговоривъ школьныхъ товарищей, поставилъ вмѣстѣ съ ними у себя въ домѣ пьесу «Офицеръ-вербовщикъ». На этотъ первый любительскій спектакль будущаго великаго артиста собралась вся мѣстная аристократія и, конечно, недостатка въ апплодисментахъ не было. Неизвѣстно, къ чему привели бы эти спектакли, если бы имъ не былъ положенъ конецъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Какъ-то разъ капитанъ получилъ письмо отъ своего брата, переселившагося, какъ мы уже говорили, въ Лиссабонъ. Въ письмѣ онъ предлагалъ взять къ себѣ младшаго сына—Гаррика и объ-

щаль позаботиться объ его будущности. Давида живо снарядили, и онъ, несмотря на свои одиннадцать лѣтъ, совершенно одинъ отправился въ далекій путь.

Но у дядюшки ему не пришлось долго гостить. Богатый виноторговецъ не могъ справиться съ живымъ и горячимъ темпераментомъ мальчика и въ скоромъ времени принужденъ былъ отправить его обратно въ Англію.

Вернувшись на родину, Давидъ вскорѣ вошелъ въ старую колею—днемъ учился у мистера Гентера, а вечеромъ посѣщалъ театръ.

Когда молодому Гаррику исполнилось 20 лѣтъ, его домашніе начали подумывать о судьбѣ юноши. Общимъ совѣтомъ рѣшено было, что Давидъ долженъ стать адвокатомъ. Съ этой цѣлью его снабдили небольшою суммой денегъ и отправили въ Лондонъ.

Очутившись въ первый разъ въ большомъ городѣ, Гаррикъ быстро растратилъ данныя ему деньги и нѣкоторое время жилъ въ весьма затруднительномъ положеніи, изъ котораго вывели его родные, приславъ еще нѣсколько фунтовъ, послѣ чего онъ могъ поступить въ юридическую школу.

Въ 1737 году умеръ отецъ Гаррика, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя отправился въ могилу и богатый лиссабонскій дядюшка, отъ котораго Давиду досталось въ наслѣдство шесть тысячъ рублей—сумма довольно крупная для того времени. Получивъ деньги, Гаррикъ могъ теперь уже совершенно спокойно заняться своимъ образованіемъ, но, перепробовавъ въ теченіе года всѣ науки, онъ ушелъ изъ университета, не окончивъ курса, и сдѣлался компаньономъ брата, открывшаго виноторговлю.

Ставъ виноторговцемъ, Гаррикъ не переставалъ посѣщать театры.

Въ душѣ онъ уже давно мечталъ о сценической карьерѣ, но драматическое искусство въ то время переживало періодъ дѣтства. Декламация актеровъ была напыщенна и неестественна; монологи читались дикимъ голосомъ, страсть передавалась завываньемъ, а выраженіе ужаса отчаянными криками. Реализмъ и правда совершенно отсутствовали. Такая игра не могла нравиться Гаррику и онъ всячески старался показать ея фальшь. Въ кофейняхъ, гдѣ собирались театралы и актеры, Гаррикъ часто въ комическомъ видѣ передразнивалъ актеровъ или показывалъ, какъ надо читать шекспировскіе монологи. Вокругъ него собиралась толпа, и молодежь относилась съ энтузіазмомъ къ его проповѣди правды въ искусствѣ. Здѣсь Гаррикъ познакомился впервые съ знаменитымъ художникомъ Гогартомъ, съ которымъ оставался въ дружескихъ отношеніяхъ до самой смерти. Здѣсь же выстѣ съ нимъ очн задумали и поставили любительскій спектакль, представивъ нѣчто вродѣ пародіи на Юлія Цезаря. Гогартъ превосходно исполнял на репетиціяхъ свою комическую роль, но никакъ не могъ запомнить, что ему нужно было говорить. Чтобы помочь ему, Давидъ написалъ всю его роль на освѣщенномъ фонарѣ и такимъ образомъ вывелъ художника изъ затрудненія.

Частое общеніе съ театромъ, актерами, авторскій успѣхъ (въ апрѣлѣ 1740 года въ Дрюриденскомъ театрѣ была поставлена первая пьеса Гаррика, понравившаяся публикѣ) окончательно вскружили голову молодому человѣку, и онъ, бросивъ виноторговлю, рѣшилъ всецѣло отдаться

театру. Осень и зиму 1740 года онъ посвятилъ изученію ролей въ пьесахъ Шекспира и другихъ писателей, а затѣмъ началъ помышлять, гдѣ ему испробовать свои силы. Среди товарищей Гаррика былъ, между прочимъ, антрепренеръ маленькаго театра въ Гудмэнсфилдѣ по имени Гиффаръ. Этому антрепренеру пришлось сыграть видную роль при поступленіи Гаррика въ актеры. Какъ-то разъ въ его театрѣ шла «Арлекинада». Арлекины въ то время пользовались у публики большимъ успѣхомъ, и содержатели театровъ, чтобъ поддержать падающіе сборы, часто выпускали на сцену толпу этихъ комиковъ, которые, не ограничиваясь пантомимой, иногда величественные импровизированные разговоры. Актеръ, изображавшій арлекина, заболѣлъ во время представленія и долженъ былъ уѣхать домой. Гиффаръ неожиданно очутился въ затруднительномъ положеніи. Гаррикъ, бывшій въ ту минуту за кулисами, надѣлъ платье заболѣвшаго актера и съ такимъ искусствомъ поддѣлался подъ его игру, что никто въ публикѣ не замѣтилъ подлога. Послѣ такого успѣха друзья уговаривали его выступить въ какой-нибудь пьесѣ, и Гаррикъ, не будучи долге въ силахъ противостоять искушенію, отправился лѣтомъ 1741 г. съ труппой Гиффара въ Иисвичъ.

Городъ этотъ довольно многолюдный, и Гаррикъ, боясь за свои силы, дебютировалъ не подъ своей фамиліей, а подъ псевдонимомъ Лидэль, чтобы въ случаѣ провала остаться неизвѣстнымъ.

Для перваго своего выхода онъ выбралъ небольшую роль негра въ трагедіи Соутерна «Ороноко».

Появившись на сценѣ, Гаррикъ до того смутился, что не могъ произнести ни звука, и только послѣ шумныхъ аплодисментовъ публики къ нему вернулся даръ слова. Игралъ онъ въ этотъ вечеръ настолько хорошо, что зрители живо заинтересовались страданіями грубаго негра, который такъ рельефно выражался на подвижномъ лицѣ актера; но въ продолженіе спектакля молодой дебютантъ настолько насыловалъ свой голосъ, что къ послѣднему акту совершенно охрипъ и, вѣроятно, не былъ бы въ состояніи кончить роль, если бы одинъ изъ зрителей, находившійся за кулисами, не предложилъ ему апельсина, сокъ котораго вернулъ голосъ Гаррику.

Ободренный успѣхомъ, Гаррикъ спустя нѣсколько дней послѣ перваго выхода появился снова на сценѣ въ роли Шамонта въ пьесѣ «Сирота», а затѣмъ и въ другихъ роляхъ; Гиффаръ говорилъ, что передъ отъѣздомъ онъ игралъ, между прочимъ, Орсика въ «Гамлетѣ». Жителямъ Иисвича онъ очень понравился, и они восторженно встрѣчали каждое его появленіе на сценѣ.

Окончивъ лѣтній сезонъ, труппа, а вмѣстѣ съ ней и Гаррикъ возвратились въ Лондонъ. Здѣсь молодой актеръ поспѣшилъ предложить свои услуги нѣсколькимъ антрепренерамъ, но они, зная его взгляды на искусство и придерживаясь рутины, отклонили его предложенія. Получивъ отказъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сгорая желаніемъ играть на сценѣ, Гаррикъ рѣшилъ поступить въ труппу театра Гудмэнсфилда.

Посоветовавшись съ друзьями о выборѣ пьесы для своего дебюта, Давидъ остановился на «Ричардъ III» Шекспира. Лучшимъ исполнителемъ этой роли въ то время считался старый и умный актеръ Цобберъ. Гаррикъ выбралъ эту роль не съ цѣлью соперничать съ нимъ, а только сообразуясь съ собственными «средствами». Онъ былъ маль

ростомъ, и если бы вздумалъ выступить въ роли героя, котораго обыкновенно изображали высокіе актеры, то, по всей вѣроятности, не произвелъ бы впечатлѣнія на публику, а вѣдѣть съ тѣмъ не могъ бы считывать и на большое жалованье.

Гудмэнфильдскій театръ находился далеко отъ центра города, осенняя грязь и слякоть никого не располагали ѣхать такую даль смотрѣть дебютъ какого-то неизвѣстнаго юноши, поэтому въ театрѣ собрались только друзья да актеры, исконные недоброжелатели Гаррика: первые—чтобы поддержать въ немъ мужество, вторые—чтобы позлорадствовать

надъ выскочкой, который столько разъ безжалостно критиковалъ ихъ игру. Гаррикъ, еще изучая роль, рѣшилъ избѣжать подражаній и быть самостоятельнымъ. И дѣйствительно, когда онъ появился на сценѣ, публика была поражена: передъ ней былъ не актеръ, а настоящій Ричардъ III; перевоплощеніе актера въ изображаемое лицо было полное. Костюмъ, гримъ, жесты и голосъ—все было обдуманно до послѣднихъ мелочей.

Гогартъ изобразилъ Гаррика въ этой роли. Портретъ замѣчательнъ какъ своимъ сходствомъ, такъ и выраженіемъ. Первый спектакль произвелъ въ публикѣ сенсацию. О молодомъ дебитантѣ говорили во всѣхъ кофейняхъ, а двѣ ежедневныхъ газеты дали благосклонный отзывъ объ его игрѣ. Но пока о немъ всетаки знали лишь театральные завсегдатаи; аристократія и средній классъ заинтересовались его игрой позже. Когда же разговоры изъ кофейнъ перешли въ гостинныя, народъ массами повалилъ въ Гудмансфильдскій театръ, и экипажи каждый вечеръ вереницей тянулись отъ центра на окраину города.

Придворные, государственные дѣятели, выдающіеся писатели и художники—всѣ ѣздили смотрѣть молодого актера и искали его знакомства, какъ милости. Лордъ Фрери былъ до такой степени потрясенъ его игрой, что сказалъ:

— Я опасюсь, какъ бы этотъ юноша не испортился: у него не будетъ соперниковъ.

— Не восхищаться имъ,—говоритъ другой современникъ Гаррика,— было все равно, что выказывать отсутствіе вкуса.

Такое отношеніе публики къ молодому дебитанту можетъ на первый взглядъ показаться страннымъ, но если мы примемъ во вниманіе, что Гаррикъ съ первыхъ же шаговъ своей сценической карьеры смѣло отбросилъ рутину и просто, безъ всякой напыщенности и ломанья, сыгралъ Ричарда, то его быстрая популярность станетъ намъ понятна. Зрители видѣли въ немъ не только талантливаго актера, но и смѣлаго новатора.

Къ декабрю мѣсяцу успѣхъ Гаррика настолько возросъ и утвердился, что Гиффаръ самъ предложилъ ему дѣлиться съ нимъ барышами, до этого же времени онъ платилъ молодому дебитанту гинеею за спектакль. Между тѣмъ Гаррикъ продолжалъ работать и вскорѣ появился передъ публикой въ двухъ новыхъ роляхъ. Во-первыхъ, онъ выступилъ съ громаднымъ успѣхомъ въ пьесѣ «Репетиція», которая осмѣиваетъ ходульную трагедію; въ этой пьесѣ онъ мастерски пародировалъ игру старыхъ представителей искусства и осмѣялъ самого Гиффара, за что тотъ вызвалъ Гаррика на дуэль. Другая роль, приготовленная Гаррикомъ съ особеннымъ стараніемъ, была «Лири». Изученіе этой роли ему облегчилъ слѣдующій случай.

Онъ зналъ одного господина, который уединенно жилъ съ своей дочкой, дѣвочкой лѣтъ двухъ или трехъ. Однажды, стоя у окна, отецъ держалъ дѣвочку на рукахъ и, желая ее позабавить, качалъ на воздухѣ; вдругъ ребенокъ выскользнулъ и, упавъ на каменный дворъ, разбился до смерти. На крикъ отца сбѣжались сосѣди и принесли ему окровавленный трупъ дѣвочки, при видѣ котораго отецъ моментально лишился разсудка. Гаррикъ часто посѣщалъ этого несчастнаго, который по временамъ подходилъ къ окну и воображалъ, что играетъ съ своимъ ребенкомъ; зитѣмъ онъ какъ бы нечаянно выпускалъ воображаемаго

младенца изъ рукъ и кричалъ на весь домъ; послѣ этого онъ грустно сѣлся въ кресло и устремляя взоръ въ одну точку. Гаррикъ, не разъ присутствовавшій при этихъ тяжелыхъ сценахъ, замѣствовала изъ помѣстательства своего друга сцену безумія короля Лира.

Несмотря, однако, на тщательную подготовку этой роли, Лиръ въ первый разъ не удался Гаррику. Друзья сдѣлали ему нѣсколько замѣчаній, которыя окончательно сбили съ толку молодого артиста, и только послѣ вторичнаго просмотра и передѣлки всей пьесы Гаррикъ добился триумфа въ этой роли.

Разнообразіе таланта Гаррика было такъ велико, что вслѣдъ за ролею Лиромъ онъ смѣнилъ театръ въ роли маленькаго табачнаго торговца, играя съ такимъ комизмомъ, что зрители спрашивали, тотъ же ли это самый актеръ, который наканунѣ изображалъ страданія величаваго Лира.

Художникъ Гогартъ, увидавъ Гаррика въ Авелѣ Дружиссерѣ, на другой день послѣ Ричарда Ш, съ удивленіемъ сказалъ ему:

— Замараны ли у васъ руки грязью или обагрены кровью, вы всегда на своемъ мѣстѣ.

Слава о Гаррикѣ распространилась въ нѣсколько мѣсяцевъ не только по всей Англии, но проникла и въ Ирландію, куда лѣтомъ 1742 года его пригласилъ антрепренеръ одного изъ дублинскихъ театровъ. Гаррикъ принялъ приглашеніе и 8-го іюня пріѣхалъ въ столицу Ирландіи вмѣстѣ съ своей возлюбленной, извѣстной въ то время артисткой Уоффингтонъ.

Миссъ Уоффингтонъ была не только замѣчательною артисткой, но и замѣчательною женщиной. Въ высшей степени веселая, остроумная и, вдобавокъ къ тому, красивая, она могла бы назваться совершенствомъ, если бы не нѣкоторая легкомысленность, съ которой она мѣняла своихъ любовниковъ. За ней волочилось множество аристократовъ и состоятельныхъ почитателей театра, и большинство изъ ухаживателей пользовались ея благосклонностью. Про ея вѣтреность разсказывали ужасныя вещи.

Какъ-то разъ, сыгравъ великолѣпно мужскую роль Гарри Вильдера, она, уходя, сказала одному изъ своихъ знакомыхъ:

— Миѣ такъ часто приходится играть эту роль, что, вѣроятно, половина Лондона и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что я мужчина.

— Если это такъ, — отвѣтилъ знакомый, — то другая половина находится насчетъ этого въ всякаго сомнѣнія.

Съ такой женщиной сошелся Гаррикъ еще въ то время, когда былъ неизвѣстнымъ виноторговцемъ. Ставъ актеромъ, онъ вмѣстѣ съ ней поѣхалъ на гастроли въ Дублинъ.

Ирландцы, уже знакомые съ Уоффингтонъ, встрѣтили ее радушно. Ея новшества же Гаррика отнеслись сначала съ осторожностью, но послѣ его изображенія Ричарда Ш восторженнымъ похваламъ не было конца, и онъ сталъ любимцемъ всего города. Весь этотъ сезонъ оставилъ самое лучшее воспоминаніе какъ въ артистахъ, такъ и въ жителяхъ Дублина.

Вернувшись въ Англию, Гаррикъ былъ приглашенъ мистеромъ Флитвудомъ въ его Дрюриланскій театръ. Антрепренеръ этотъ, если вѣрить биографамъ Гаррика, былъ человѣкъ не изъ бережливыхъ и тратилъ почти всѣ доходы съ театра на кутежи и скачки. Жалованье поэтому

актерамъ задерживалось, судебные пристава не разъ появлялись за кулисами, а сборы, несмотря на хорошій составъ труппы, съ начала сезона начали быстро падать. Все это, наконецъ, вывело изъ терпѣнія актеровъ, и они, устроивъ стачку, рѣшили больше не играть въ Дрюриленѣ. Сначала все шло хорошо, но мало-по-малу, когда сбереженія стали изсякать, актеры начали поговаривать объ отступленіи. Дѣлать было нечего, и Гаррикъ завязалъ переговоры съ мистеромъ Флитвудомъ. Тотъ живо согласился принять вновь всю труппу, за исключеніемъ актера Мэклина, друга Гаррика. Напрасно Гаррикъ доказывалъ, что Мэклинъ виноватъ не больше другихъ; антрепренеръ ничего не хотѣлъ слушать, и бѣдному депутату оставалось выбрать одно изъ двухъ: или заставить голодать двѣнадцать выброшенныхъ на улицу актеровъ, или отступить отъ своего закадычнаго пріятеля. Гаррикъ выбралъ послѣднее. За это Мэклинъ печатно обвинилъ его въ изменничествѣ и подлости. Pamфлетъ его надѣлалъ шуму въ кофейняхъ, и публика при первомъ появленіи Гаррика на сценѣ устроила ему громадный скандалъ, не давъ даже сказать ни одного слова. Чтобы избѣжать такого же скандала и при второмъ выходѣ, Гаррикъ обратился за помощью къ своему другу мистеру Виндгемъ де-Морфолькъ. Виндгемъ началъ тридцать дюжнихъ боксеровъ и до начала спектакля помѣстилъ ихъ въ партерѣ. Передъ поднятіемъ занавѣса одинъ изъ нихъ влѣзъ на скамью и внушительнымъ голосомъ заявилъ собравшейся публикѣ:

— Джентльмены, я слышалъ, что многіе пришли сюда съ намѣреніемъ помѣшать представленію, но сегодня я хочу спокойно слушать пьесу, а если кто хочетъ устроить скандалъ, то пусть лучше заранѣе убирается отсюда вонъ.

Такое заявленіе вызвало цѣлую бурю; боксеры, однако, не смутились и, дружно ударивъ на толпу, прогнали главныхъ буяновъ на улицу. По окончаніи битвы занавѣсъ поднялся, и Гаррикъ безъ помѣхи провелъ свою роль до конца.

Но Мэклинъ не успокоился и, сдѣлавшись заклятымъ врагомъ Гаррика, всю жизнь не уставалъ упрекать гениальнаго артиста въ разныхъ порокахъ и недостаткахъ. Особенно напиралъ онъ на скупость Гаррика. Нѣкоторые анекдоты объ этой несимпатичной чертѣ характера «маленькаго человѣка», какъ называлъ его Мэклинъ, дошли и до нашего времени.

По возвращеніи изъ Дублина, рассказывалъ, между прочимъ, Мэклинъ, онъ, Уоффингтонъ и Гаррикъ, всѣ трое поселились въ одномъ домѣ и вели общее хозяйство, причемъ расходы каждый мѣсяцъ оплачивались ими поочередно. Гости, посѣщавшіе ихъ, часто замѣчали хозяевамъ, что мѣсяцъ артистки отличался щедрыми угощеніями, а во время хозяйства Гаррика соблюдалась строгая экономія.

Эту экономію можно объяснить тѣмъ, что Гаррикъ, ставъ артистомъ и получая 500 фунтовъ въ годъ, большую часть жалованья посылалъ для поддержки своихъ родственниковъ въ Личфильдъ. Но вотъ другой разсказъ:

Однажды Гаррикъ устроилъ у себя званый обѣдъ. Уходя, гости, по обычаю, давали на чай слугѣ.

— Ну, сколько ты набралъ сегодня?—спросилъ его хозяинъ, когда всѣ гости разошлись.

— Да вот полкроны отъ дамы, а вотъ еще отъ писателя...
 Писатель, оказывается, подарилъ слугѣ одинъ пенни. Гаррикъ, встрѣ-
 тившись съ нимъ, упрекнулъ его за такую малую подачку.
 — Да вѣдь я же лучше сдѣлаю для лакея, что такъ мало далъ:
 дай я ему больше, ты бы обобралъ у него всѣ деньги, — отвѣтилъ тотъ
 Гаррику.

Гаррикъ въ роли короля Ричарда III

Гаррикъ въ роли короля Ричарда III (копия съ рѣзковой гравюры Готарта).

Гаррикъ въ роли короля Ричарда III (копия съ рѣзковой гравюры Готарта).

Оставаясь все время въ Дрюриленскомъ театрѣ, Гаррикъ игралъ съ не ослабѣвающимъ успѣхомъ и, между прочимъ, выступилъ въ Макбетѣ, который вскорѣ сталъ считаться одной изъ лучшихъ его ролей. Но Флитвудъ окончательно запутался въ дѣлахъ и долженъ былъ продать свой патентъ на театр. Новый владѣлецъ, Лэси, былъ человекъ не глупый, но малообразованный и грубый. Гаррикъ былъ съ нимъ не въ ладахъ и потому, воспользовавшись случаемъ, бросилъ сцену и уѣхалъ въ Батъ на воды поправить свое расшатанное здоровье.

Нѣсколько слѣдующихъ сезоновъ великій артистъ игралъ то въ Дублинѣ, то въ Ковентгарденскомъ театрѣ, пока въ его жизни не произошли двѣ важныхъ перемены.

Во-первыхъ, онъ сталъ антрепренеромъ Дрюриэнскаго театра и продолжалъ имъ быть цѣлыхъ тридцать лѣтъ неизмѣнно.

Дѣла Лэси, владѣльца Дрюриэнскаго театра, шли отчаянно плохо. Сборы были маленькіе, актеры бунтовали, и Лэси видѣлъ, что часть его полнаго прогара недалекъ. Не зная, что дѣлать, директоръ обратился къ Гаррику за помощью и предложилъ ему раздѣлить съ собой антрепризу. Гаррикъ недолюбливалъ Лэси, но предпріятіе казалось ему выгоднымъ, онъ согласился и 9-го апрѣля 1747 года сталъ во главѣ самаго большого театра въ Лондонѣ. Лѣто Гаррикъ провелъ въ хлопотахъ по приглашенію новой труппы, а осенью, 15-го сентября, открылъ заново отдѣланый театръ, поставивъ для начала «Венеціанскаго купца» Шекспира.

Вторая перемена, происшедшая въ его жизни, была женитьба. Отношенія Гаррика къ миссъ Уоффингтонъ становились все хуже и хуже. Тщетно красавица-артистка старалась оставаться вѣрною своему Давиду, природная вѣтреность влекла ее къ постояннымъ измѣнамъ. Уоффингтонъ не любила женскаго общества, женщины, въ свою очередь, нѣсколько сторонились ея, и потому большую часть времени она проводила среди свѣтскихъ шалопаявъ, гурьбой ухаживавшихъ за ней и поочередно пользовавшихся ея благосклонностью. Понятно, что при такомъ поведеніи Гаррику приходилось играть довольно двусмысленную и мало почетную роль. О бракѣ же нечего было и мечтать, хотя въ первое время ихъ знакомства Гаррикъ, вѣроятно, подумывалъ жениться на ней и даже подарилъ ей обручальное кольцо. Видя, что просьбы исправиться не дѣйствуютъ на нее, Гаррикъ рѣшилъ окончательно порвать съ ней связь.

Уоффингтонъ сама описываетъ ихъ послѣднюю бесѣду. Однажды вечеромъ она напомнила Гаррику объ его обѣщаніи жениться на ней. Гаррикъ ничего не отвѣтилъ, но крѣпко задумался и не могъ сомкнуть глаза во всю ночь.

— Что такое съ вами?—спросила его Уоффингтонъ.

Давидъ промолчалъ, а затѣмъ рассказалъ все, о чемъ продумалъ цѣлую ночь. Бракъ, по его мнѣнію, былъ бы несчастіемъ для обоихъ. Онъ любилъ и уважалъ ее, но жениться на ней не въ силахъ.

— Такъ отъ этого-то вы не спали всю ночь?—холодно спросила его актриса.

— Да, дорогая моя,—отвѣтилъ Гаррикъ,—говоря откровенно, эти восемь часовъ я провелъ какъ бы въ рубашкѣ Деяниры.

— Ну, въ такомъ случаѣ снимите съ себя эту рубашку и спите спокойно, съ этихъ поръ мы чужіе другъ для друга.

Гаррикъ пробовалъ было возражать, но Уоффингтонъ и слушать ничего не хотѣла. Они разстались, и это послужило къ благополучію Гаррика, такъ какъ вскорѣ послѣ разрыва съ актрисой онъ женился. Женитьба его имѣла романическій характеръ.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1746 года на краблѣ, плывшемъ черезъ Ламаншъ въ Англію, всеобщее вниманіе пассажировъ привлекалъ молоденькій красивый пажъ, ѣхавшій вмѣстѣ съ нѣмецкой семьей. Вскорѣ оказалось, что пажъ былъ никто иной, какъ вѣнская танцов-